

ТРАГИЧЕСКАЯ гибель оборвала жизнь Петра Мироновича Машерова в расцвете творческих сил, не дала свершиться многому из задуманного. И сегодня, читая отрывки посвященной его памяти поэмы, мы как бы вновь осязаем коммуниста рядом с собой, слышим его страстный голос трибуна, видим в нем одного из тех, кого народ любовно и метко окрестил подвижниками перестройки.

Поэма «Коммунист» принадлежит перу Е. В. Шевелевой, известной советской поэтессы, публициста, активного борца за мир. Екатерина Васильевна — москвичка, никогда не жила и не работала в Белоруссии. Поэтому, естественно, беседа с ней началась с вопроса: как возникла идея создать произведение о политическом лидере?

— Мне часто задают такой вопрос. Особенно интересует он земляков Петра Мироновича. Постараюсь быть краткой.

С Машеровым я познакомилась в годы комсомольской юности. В конце тридцатых была руководителем секции в ЦК комсомола по работе с молодыми литераторами. И вот мы задумали создать альбом-сборник о талантливой молодежи страны, проявившей себя в различных отраслях производства, знаний, искусства. Мне выпала командировка в Белоруссию. В Минске на просьбу подсказать кандидатуру для очерка первый секретарь ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянин, не раздумывая, сказал: «Поезжай в Россоны, к учителю Петру Машерову. Замечательный парень, подлинный комсомольский вожак, умница, умеет увлекать молодежь, поднимать ее на интересные дела...»

Так в январе — феврале 1941 года оказалась в Россонах. Машерова, окруженного учащимися, увидела возле школы. Сразу даже не смогла отличить, кто же из них учитель. Стройный, высокий, большеглазый, с открытым умным и волевым лицом, несколько стеснительный в разговоре, Петр выглядел моложе своих 22 лет. Сразу трудно было определить, что подкупило меня в новом знакомом. Между нами возникло, сначала не осознанное, внутреннее взаимопонимание.

Во всем, о чем говорил Машеров, чувствовалась предельная искренность, правдивость. Они проявлялись даже в мелочах. На мою просьбу дать для альбома фотографию, он сказал, что ее у него нет. Но тут же уточнил: мол, здесь, в Россонах, нет, а дома, у мамы, имеется.

В моем представлении Петр, с его мыслями, суждениями, всем своим обликом чем-то ассоциировался с образом А. Косарева, любимца комсомолии 30-х годов, которого я видела и слышала на X съезде ВЛКСМ — последнем в его жизни. Кстати, нечто подобное испытала при встречах с Ю. Андроповым в бытность его на комсомольской работе.

Покидала Россоны в повышенном, радостном настроении, полная творческих замыслов: повезло мне, встретила настоящего талантливого комсомольского вожака. Вот из кого выйдет хороший

«Я ЕЩЕ НЕ ВСЕ СКАЗАЛА»

О
МАШЕРОВЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

организатор и руководитель! Будет о ком рассказать в альбоме.

— Воплотился ли этот замысел!

— Помешала война. Но в годы лихолетья я много слышала от белорусских товарищей о партизанском сопротивлении, о вожаке молодых лесных мстителей Россонщины Петре Машерове. Потом захлестнули послевоенные дела, творческая работа, участие в деятельности антифашистских и антивоенных организаций, Советского комитета защиты мира.

— Как же случилось, что вы вернулись к задуманной до войны теме!

— Опять помог случай. В 1976 году по поручению Советского Комитета защиты мира поехала в Минск, чтобы отдать последний долг Ивану Мележу, замечательному писателю и активному борцу за мир. Выступила на траурном митинге. После его окончания ко мне подошел смутно знакомый человек в большой, почти скрывающей лицо, меховой шапке. «Мне понравилось, как Вы говорили, — сказал он, — искренне, задушевно. Спасибо Вам». И тут же предложил встретиться, побеседовать. Пребывание в Минске у меня было рассчитано буквально по часам. Я, ссылаясь на загруженность, вежливо отказалась от встречи. «Жаль», — сказал он, попрощался и отошел. Тут же меня окружили знакомые, интересовались, о чем я говорила с Машеровым?

— Да я не видела Машерова!

— Да ведь это он только что спрашивал тебя о чем-то.

Вот тебе раз! На утро поспешила в ЦК партии. Петра Мироновича встретила на лестнице. Начала извиняться, а он, улыбаясь, прервал меня, успокоил и назначил время встречи. Она и стала возрождением моего давнего знакомства с Белоруссией.

— Сразу ли решили писать поэму о Машерове!

— Конечно, нет. Петр Миронович предложил мне побывать вместе в колхозах, на предприятиях, посмотреть отстроенные города и села, пообщаться с народом. Я, конечно, обрадовалась такой возможности.

Много раз, присутствуя при разговорах Петра Мироновича с партийными, советскими, хозяйственными руководителями, комсомольскими работниками, рабочими, колхозниками, представителями интеллигенции, домохозяйками, учащимися, убеждалась: он не утерял своей прежней доброжелательности к людям, стремления глубоко проникнуть в сущность поставленных ими вопросов, просьб, забот.

И независимо от того, с кем велась беседа, будь то рядовой труженик или представитель «верхнего эшелона», Петр Миронович был одинаково честен и правдив, внимателен и требователен. Эти ка-